

Научная статья

УДК 902.1(470.51)

DOI: 10.32516/2303-9922.2023.48.10

Пряслица в составе погребальных комплексов Варнинского могильника поломской культуры

Татьяна Михайловна Сабирова

Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск, Россия, lemelon@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6452-4864>

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу пряслиц, найденных в погребениях Варнинского могильника конца V — X в. Рассмотрены особенности их расположения в захоронениях, разработана типология пряслиц, проведен планиграфический анализ погребений. Пряслица были найдены преимущественно в богатых женских захоронениях (24 случая из почти 700 погребений Варнинского могильника). Чаще всего их помещали в состав подарочных даров или подвешивали к поясу. Все находки на основании анализа сопутствующего материала датированы поздней мыдланьшайской стадией поломской археологической культуры (последняя четверть VIII — IX в.). Установлено, что пряслица в погребальном обряде не служили профессиональным маркером, а имели культовое назначение, отмечая собой захоронения особо важных для коллектива женщин, что подтверждается и богатством этих погребальных комплексов.

Ключевые слова: Варнинский могильник, погребальный обряд, поломская культура, бассейн р. Чепцы, пряслица, средневековье.

Для цитирования: Сабирова Т. М. Пряслица в составе погребальных комплексов Варнинского могильника поломской культуры // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 4 (48). С. 182—191. URL: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/10_48_2023.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.48.10.

Original article

Spindle whorls in funeral complexes of Varni burial ground of the Polom archaeological culture

Tatiana M. Sabirova

Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia, lemelon@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6452-4864>

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of spindle whorls from the burials of the Varni burial ground, which dates back to the end of the 5th — 10th centuries. The paper looks into the location of the burials, classifies the types of spindle whorls and gives a planigraphic analysis of the burials. The spindle whorls were found predominantly in rich female burials (24 cases out of almost 700 burials). Most often, the spindle whorls were placed as part of gift sets or hung on a belt. Based on the analysis of accompanying material, all the finds are dated from late Mydlanshai stage of the Polom archeological culture (the last quarter of the 8th — 9th centuries). It is noted that, the spindle whorls in the funeral rite did not identify the occupation of the owner, but had a cult purpose, marking the burials of women who were especially important for the community, which is also confirmed by the opulent richness of these burial complexes.

Keywords: spindle whorl, funeral rite, Varni burial ground, Polom culture, basin of the Cheptsya River, Middle Ages.

For citation: Sabirova T. M. Spindle whorls in funeral complexes of Varni burial ground of the Polom archaeological culture. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2023, no. 4 (48), pp. 182—191. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2023.48.10>.

© Сабирова Т. М., 2023

Введение

Одной из категорий археологических находок, фиксируемых при раскопках поселенческих и погребальных памятников, являются пряслица — грузики, применяющиеся для утяжеления ручного веретена, крепления пряжи на нем, придания ему устойчивости и равномерности вращения. Благодаря тому что преимущественными материалами для изготовления пряслиц были камень и керамика, они хорошо сохраняются в культурном слое и являются одним из маркеров использования населением прядения и ткачества. Единая классификация пряслиц отсутствует, поскольку для каждой исторической эпохи и культурной общности маркирующими свойствами обладают разные их характеристики. В целом большинство исследователей берет в качестве типологизирующего признака их форму, материал, наличие декора на поверхности. Однако немаловажное значение для установления относительной датировки имеют также размеры самого пряслица и его внутреннего отверстия, вес изделия [13; 14, с. 284—285]. Вероятно, именно соотношение веса и размера является главнейшей технологической характеристикой пряслиц, поскольку этот параметр влияет на удобство и скорость прядения. Остальные параметры (форма, материал, декор) больше зависят от доступности материалов и господствующей «моды» и маркируют собой культурно-хронологические различия.

На территории Камско-Вятского междуречья пряслица получили широкое распространение начиная с эпохи раннего железного века. Так, представительная выборка (более 140 единиц) получена при раскопках Зуевключевского I городища, самого крупного из известных ананьинских поселений Среднего и Нижнего Прикамья [19]; более 50 экземпляров происходит из Тарасовского поселения-святилища эпохи раннего железного века [4]. Е. М. Черных отмечает, что преобладающим материалом для их изготовления являлась глина. Среднекамские ананьинские пряслица чаще всего имеют прямоугольное сечение дисков и геометрический декор [19]. В последующем традиция украшения пряслиц изживает себя и в целом они встречаются реже: при раскопках мазунинских городищ III—V вв. обнаружено менее 20 пряслиц, выполненных в основном из глины и иногда имеющих ямочную орнаментацию [11, с. 161].

Эпоха раннего Средневековья в Камско-Вятском междуречье представлена памятниками полумской археологической культуры V—IX вв. На сегодняшний день выявлено более 40 селищ, 33 городища, 10 могильников [7, с. 46—52; 20]. Поселения полумской культуры археологически изучены плохо: стационарными раскопками частично изучены пять городищ и три селища [7, с. 47—50]. Этот факт не позволяет установить частоту встречаемости пряслиц в их материалах. Однако уже в хорошо изученных чепецких городищах конца IX — XIII в. каменные, глиняные и костяные пряслица являются массовыми находками [8, с. 138, табл. 11; 9, с. 57].

Вместе с тем находки пряслиц в поселенческих памятниках «обезличены» и могут являться только маркером наличия ткачества. Пряслица из погребальных памятников обладают большим исследовательским потенциалом: их комплексный анализ позволит установить значение этой категории сопроводительного инвентаря в погребальном обряде.

Могильники полумской культуры расположены преимущественно по правобережью верхнего течения р. Чепцы. Они изучены гораздо лучше синхронных поселенческих памятников. Так, представительные коллекции получены в ходе раскопок Варнинского (695 погр.), Полумских I (261 погр.) и II (153 погр.), Тольенского (142 погр.), Солдырского I Чемшай (113 погр.), Адамского II Мыдланьшай (86 погр.) могильников. К сожалению, из них достаточно полно опубликованы только часть материалов Варнинского могильника

конца V — X в. [16] и погребальные комплексы могильника Мыдланьшай конца VIII — IX в. [2].

Целью исследования является комплексное изучение пряслиц крупнейшего по количеству изученных погребений некрополя полумской культуры — Варнинского могильника конца V — X в. Анализ включает классификацию и хронологическую атрибуцию находок; планиграфическое распределение погребений с пряслицами на площадке памятника, характеристику погребального обряда (ориентировка погребений, местоположение пряслиц относительно костяка, состав сопроводительного инвентаря).

Результаты исследования

Варнинский могильник является крупнейшим по количеству погребений некрополем в бассейне р. Чепцы. Благодаря своим размерам (почти 700 погребальных комплексов) и широкой датировке (конец V — X в.) он является опорным памятником полумской культуры. Могильник был обнаружен В. А. Семеновым в 1970 г., он же руководил раскопками в 1970—1973, 1984 и 1990 гг. [16]. Работы на памятнике были продолжены в 1991 г. Н. И. Шутовой. В 1994—1998, 2003 и 2006 гг. археологическим изучением могильника руководил А. Г. Иванов. С 2021 г. раскопки были возобновлены под руководством Т. М. Сабировой [15]. К настоящему времени на 3330 кв. м изучено 695 погребений. В результате археологического исследования Варнинского могильника получена представительная коллекция находок украшений и принадлежностей костюма, оружия и элементов конской упряжи, хозяйственно-бытовых предметов. К последней категории относятся найденные в погребениях пряслица.

Из почти 700 погребений Варнинского могильника в составе сопроводительного инвентаря пряслица найдены в 24 случаях (рис. 1). Преимущественно погребения содержат по одному пряслицу, но раскопками 2021 г. под руководством Т. М. Сабировой вскрыто захоронение с тремя пряслицами, нанизанными на кожаный шнур (погр. 695Б). Таким образом, коллекция этого типа находок состоит из 26 экземпляров. Большинство изделий целые, только четыре экземпляра представлены обломками (погр. 431, 449, 507, 695Б).

В связи с плохой сохранностью антропологического материала половозрастные определения были сделаны для небольшого количества костяков. В тех погребениях, где был определен пол умершего, пряслица в шести случаях из семи были найдены в женских захоронениях. Судя по набору сопроводительного инвентаря, только одно погребение с пряслицем следует трактовать как мужское (погр. 494). Пряслице там было найдено в насыпи потревоженного захоронения, о чем свидетельствует нарушенный анатомический порядок человеческих костей. В. А. Семенов предполагает, что помещение пряслица в эту могилу носило жертвенный характер [16, с. 20]. Таким образом, пряслица можно отнести к преимущественно женской категории инвентаря. Состояние костных остатков сделало невозможным проведение анализа возраста умерших. Косвенно можно говорить только о репродуктивном возрасте женщины, захороненной в погр. 695 вместе с новорожденным ребенком и об отсутствии пряслиц в детских погребениях, исходя из длины их костяков.

На могильнике зафиксирована крайне разнообразная ориентировка погребенных: выделены устойчивые группы погребений с восточной, западной, северной ориентировкой головы умерших. У погребенных с пряслицами преобладает просеверная ориентировка (21 — строго на север, 2 — ССВ, 1 — не установлена). Исследователи отмечают, что такие погребения часто располагаются среди захоронений с широтной ориентировкой, в ряде случаев перекрывая их [16, с. 14]. Анализ погребального инвентаря выявил хронологическую закономерность: головой на запад совершены наиболее ранние захоронения, головой на восток и север — более поздние [7, с. 81].

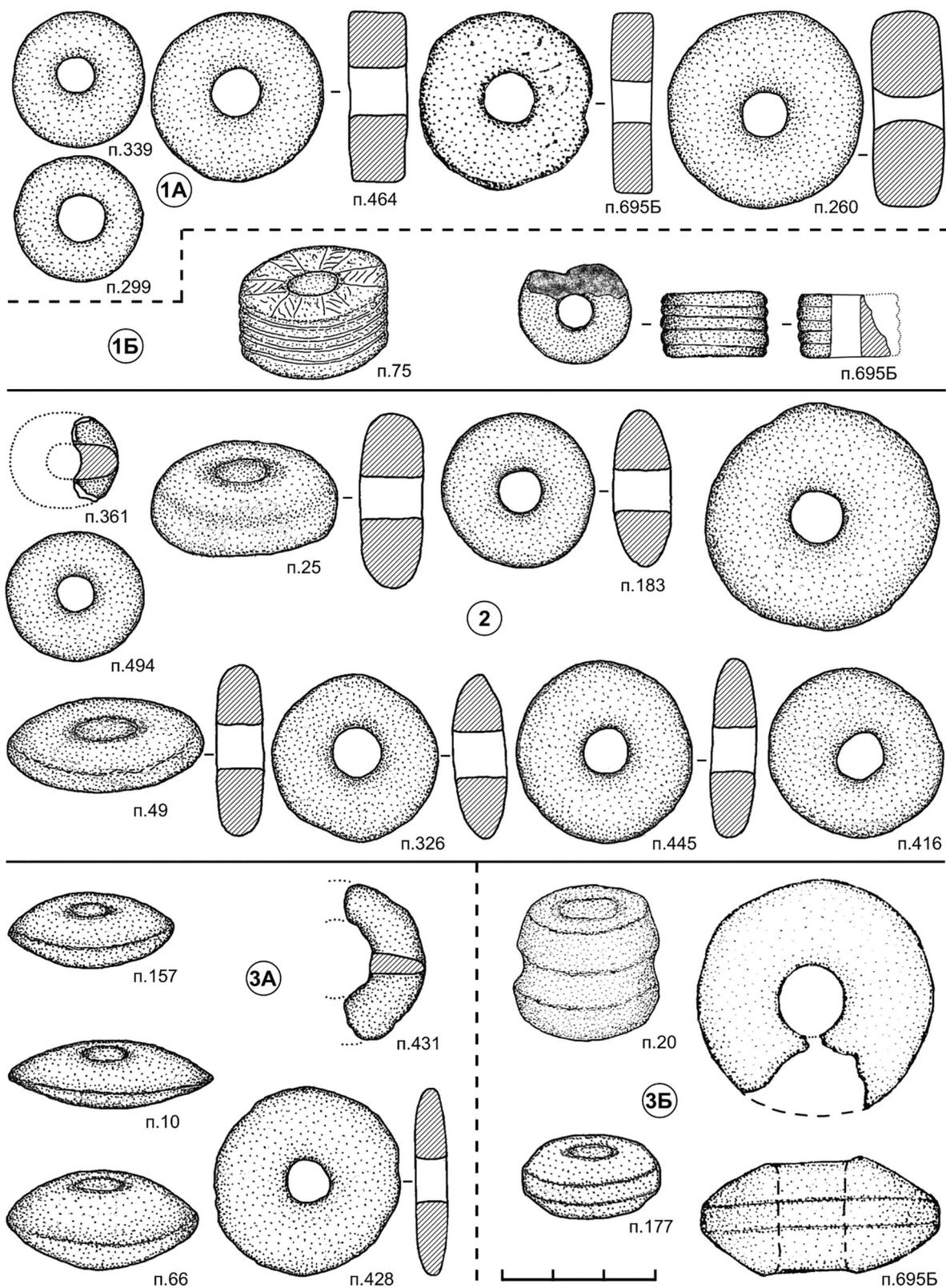

Рис. 1. Пряслица из погребений Варнинского могильника: 1А — прямоугольные в сечении без декора, 1Б — прямоугольные в сечении с декором и увеличенной толщиной, 2 — овальные в сечении, 3А — биконические в сечении уплощенные, 3Б — биконические в сечении с ребром вдоль центральной линии

Местонахождение пряслиц в погребениях установлено в 19 случаях (рис. 2). В трети случаев (6 погр.) пряслица находили в области правой руки погребенных. В пяти могилах они зафиксированы в изголовье умерших около сосуда и в сосуде (погр. 157). У трех погребенных пряслица найдены в области бедер, у двух — в области колен. По одному случаю нахождения пряслиц зафиксировано в области таза, между голеней и в стопах умершего. Устойчивой традиции положения пряслиц в погребении не выявлено. Установлено, что пряслица часто помещали в состав подарочных наборов умершим (в случаях, когда они найдены в традиционном для этого месте — помещенными в сосуды у изголовья). Также распространенной практикой было размещение пряслица в районе правой руки умерших женщин. В погр. 695Б во внутренних отверстиях пряслиц остались фрагменты кожаного шнура, указывающего на способ крепления: их подвешивали к поясу. Анализ местоположения пряслиц в погребениях не дает оснований утверждать, что они были личными вещами захороненных. Учитывая распространенность домашнего ткачества в средневековье, находки пряслиц должны были присутствовать чуть ли не в каждом втором женском погребении на всем протяжении существования могильника. Вероятно, в данном случае положение пряслиц в погребении не являлось маркером профессии (из-за малочисленности находок) или богатства (поскольку сделаны из доступных всем материалов) умерших.

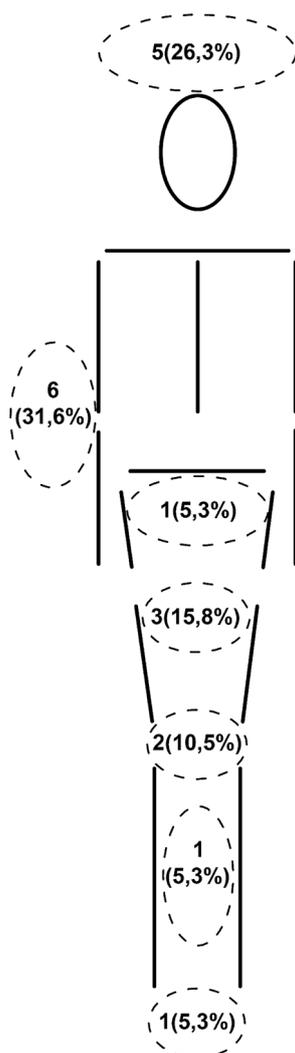

Рис. 2. Местоположение пряслиц относительно тел умерших

Пряслица различаются между собой материалом, наличием орнамента, формой. Размеры находок варьируют в следующих интервалах: диаметр от 2,3 до 4,2 см, толщина от 0,4 до 2,3 см, диаметр внутреннего отверстия составляет 0,7—1,2 см. Материал, из которого изготовлены пряслица, довольно разнообразен — камень (среди установленных пород — известняк, шифер), глина, кость. Систематизация варнинских пряслиц была выполнена по форме сечения, что позволило выделить следующие группы находок:

Тип 1. Прямоугольные (7 экз.).

Подтип А. Без декора (5 экз., рис. 1): погр. 164, 260, 299, 339, 695Б.

Подтип Б. С декором и увеличенной толщиной (2 экз., рис. 1): погр. 75, 695Б.

Тип 2. Овальные (9 экз., рис. 1): погр. 25, 49, 183, 326, 361, 416, 445, 494, 511.

Тип 3. Биконические (7 экз.):

Подтип А. Уплощенные (5 экз., рис. 1): погр. 10, 66, 157, 428, 431.

Подтип Б. С ребром вдоль центральной линии (3 экз., рис. 1): погр. 20, 177, 695Б.

Представленная выборка пряслиц отличается практически полным отсутствием декора. Орнаментация присутствует только на одном пряслице из погр. 75, лицевая поверхность которого разделена на 6 секторов с линейной диагональной насечкой, пространство между секторами заполнено точечными углублениями. Единичная находка не дает оснований для полноценного анализа семантической нагрузки декора, активно обсуждаемой в публикациях отечественных исследователей [5; 10; 17]. В целом все они связывают орнаментацию пряслиц (радиальную, секторальную, точечную и др.) с общей индоевропейской концепцией солярной символики. Сходные секторальные солярные мотивы присущи населению многих культур Евразии начиная с эпохи каменного века и заканчивая этнографическим временем [10, с. 53].

Планиграфическое распределение погребений с пряслицами на площадке памятника показало их равномерное распределение среди погребений с меридиональной ориентацией. Стратиграфически доказано, что типология пряслиц не несет хронологической нагрузки, поскольку разные их типы были найдены в одном комплексе (погр. 695Б) или во взаимонарушенных погребениях (погр. 428 и 445).

Погребальный инвентарь в захоронениях с пряслицами типичен для женских погребений и представлен украшениями и принадлежностями костюмного комплекса. Обычный для Варнинского могильника набор погребального инвентаря состоял из 4—7 категорий находок (элементы головного убора, нагрудные украшения, поясная гарнитура, реже — украшения рук, наконечники). В захоронениях с пряслицами содержится до 13—15 категорий погребального инвентаря. Состав сопроводительного инвентаря указанных погребений, помимо пряслиц, включает разнообразные находки. Чаще всего (в 20 случаях) найдены бисер/бусы, глиняные сосуды (18 случаев), накладки (16), височные подвески (15), пронизки (13), браслеты (12), пряжки (11), ножи (11), подвески (11). Реже в погребениях с пряслицами встречаются монеты (4) и монетовидные накладки (7), шилья (8), кости животных (8), перстни (6), наконечники ремней (4). Редко (по 3 случая) в составе инвентаря зафиксированы стрелы, копоушки, ножны. Единичными находками представлены кремь, костяная ложка, варган, топор, цепочка, щипчики, гривна, лук, скобель, точило, вток. Ассортимент находок подтверждает вывод о том, что пряслица можно считать преимущественно женской категорией погребального инвентаря.

Датировка комплексов с пряслицами опирается на анализ хронологически выразительных височных подвесок, массово представленных в погребениях с пряслицами. Височные подвески найдены в 15 погребениях с пряслицами. Подавляющая часть представленных типов подвесок четко соотносится с мыдланьшайской стадией развития полемской культуры (последняя четверть VIII — IX в.) [3, рис. 7]. Среди них — овальные

и подтреугольные проволочные подвески с утолщениями и многогранниками (рис. 3: 1—3); височные подвески с гроздевидными привесками (рис. 3: 6, 7, 9, 10), со стержневидными привесками (рис. 3: 8).

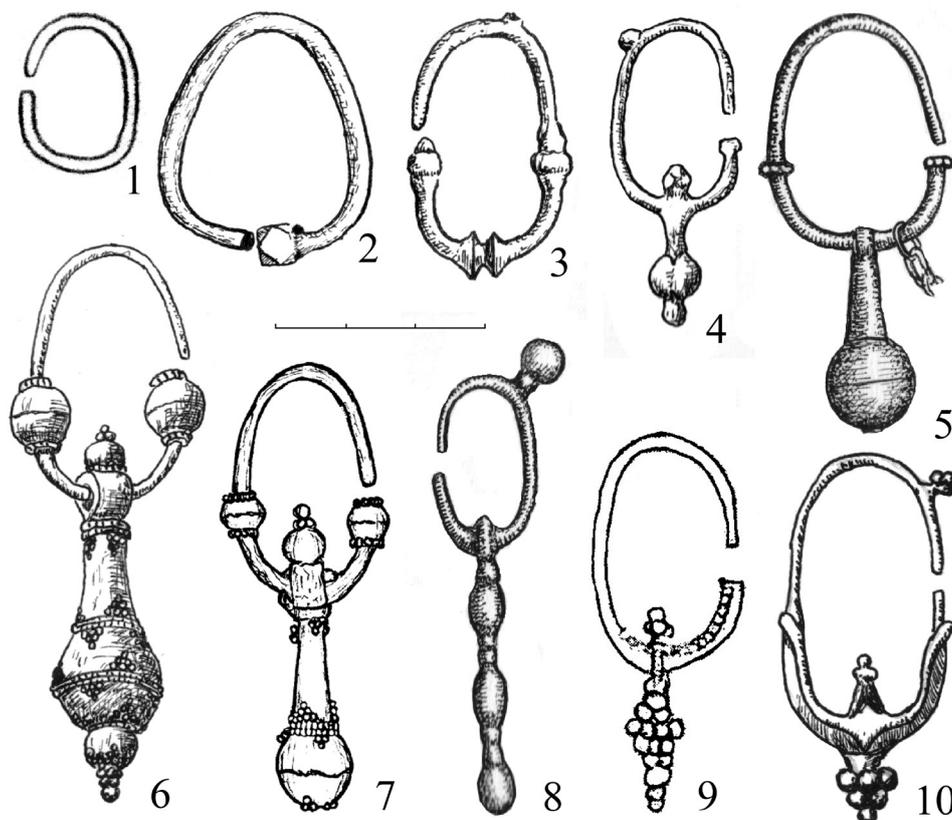

Рис. 3. Височные подвески из погребений с пряслицами Варнинского могильника. 1 — погр. 183, 494; 2 — погр. 10, 445; 3 — погр. 25; 4 — погр. 49, 177; 5 — погр. 75, 507; 6 — погр. 157, 428; 7 — погр. 695Б; 8 — погр. 75; 9 — погр. 326, 507; 10 — погр. 157

Последние подвески, известные в литературе как подвески салтовского типа, единично представлены в материалах ломатовской культуры, в раннебулгарских и булгарских памятниках, в материалах караякуповской культуры [12, с. 64]. В полемских памятниках они датируются IX в. [6, рис. 19-2, с. 67]. В погр. 695Б вместе с пряслицами обнаружена ранняя аббасидская монета, имеющая предварительную датировку третья четверть VIII в. Помимо Варнинского могильника удалось установить пять случаев помещения каменных и глиняных пряслиц в погребения Адамского II могильника Мыдланьшай: погр. 14, 16, 50, 55, 59 [2, табл. IX: 7—11]. Датировка этого могильника более узкая по сравнению с Варнинским (конец VIII — IX в.) и полностью соотносится с хронологическим периодом бытования пряслиц в материалах Варнинского могильника. В погр. 16 могильника Мыдланьшай вместе с пряслищем найден серебряный дирхем Омайядов, датированный 744—745 гг. н. э. [2, с. 19]. В целом набор сопроводительного материала в обоих могильниках идентичен, их также отличает богатство погребального убранства по сравнению с другими захоронениями, а погр. 50 сопровождается предметами вооружения [2, с. 29, 104].

Заключение

Комплексный подход к изучению пряслиц из погребений Варнинского могильника позволил установить их роль в погребальном обряде. Чаще всего их находили в богатых женских захоронениях в составе подарочных даров или подвешенными к поясу. Внутри

представленной выборки не удалось выявить какие-то хронологически и типологически обусловленные различия. Равномерное распределение погребений с пряслицами на могильнике с выраженными семейно-родовыми группами позволяет предполагать, что они бытовали в узком хронологическом отрезке поздней мыдланьшайской стадии полумской культуры (последняя четверть VIII — IX в.). Если бы пряслица маркировали собой род деятельности женщины, то их находок было бы гораздо больше из-за повсеместного распространения ткачества, о чем свидетельствуют массовые находки пряслиц в хорошо изученных поселениях чепецкой культуры IX—XIII вв. Отсутствие декора на большинстве варнинских находок может указывать на их утилитарное предназначение. Вместе с тем Н. Н. Головченко при анализе материалов Верхнеобского бассейна эпохи раннего железного века полагает, что использование пряслиц в погребальном обряде населения не может быть индикатором интерпретации пряслиц как профессионального маркера погребенных [5, с. 102]. Можно предположить, что пряслица в погребальном обряде имели не практическое, а сакральное и обереговое значение [18, с. 190], отмечая собой погребения особенно важных для коллектива женщин, что подтверждается и богатством этих погребальных комплексов. По мнению А. М. Абдулаева, присутствие пряслиц в единичных богатых женских захоронениях дает основание полагать, что пряслица не являлись характерным видом сопроводительного инвентаря и выполняли особую функцию в погребальном обряде, будучи атрибутом религиозных верований [1].

Дальнейшие работы по разработке хронологии археологического материала полумской культуры и поиску погребений с пряслицами, содержащими хронологически датированные индивидуальные находки, позволят четче обозначить хронологический интервал традиции помещения пряслиц в женские погребения у носителей полумской археологической культуры, а также прояснить вопрос о роли, которую они играют в погребальной обрядности чепецкого населения эпохи раннего средневековья.

Список источников

1. Абдулаев А. М. Орудия труда в погребениях Паласа-Сыртского курганного могильника IV—V вв. // Вестник института истории, археологии и этнографии. 2013. № 2 (34). С. 119—126.
2. Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдланьшай // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1962. Вып. 3. С. 5—112.
3. Голдина Р. Д. О датировке полумской культуры // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. — XV в. н. э.): хронологическая атрибуция : сб. статей. Ижевск : Удмуртский гос. ун-т, 2012. С. 227—235. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25).
4. Голдина Р. Д., Колобова Т. А., Казанцева О. А., Митряков А. Е., Шаталов В. А. Тарасовское святилище раннего железного века в Среднем Прикамье. Ижевск : Удмуртский гос. ун-т, 2013. 184 с. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 26).
5. Головченко Н. Н. «В их руках соединились пряслице и нож», или Некоторые вопросы культовой интерпретации пряслиц населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 100—105. DOI: 10.17223/19988613/41/14.
6. Иванов А. Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V — первая половина XIII в. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 309 с.
7. Иванов А. Г., Иванова М. Г., Останина Т. И., Шутова Н. И. Археологическая карта северных районов Удмуртии. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2004. 276 с.
8. Иванова М. Г. Иднакар: древнеудмуртское городище IX—XIII вв. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. 294 с.
9. Иванова М. Г. Хозяйство северных удмуртов в конце IX — начале XIII в. н. э. // Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск : НИИ при совете министров Удмуртской АССР, 1979. С. 6—68.
10. Котов В. Г. Семантика пряслиц кара-абызской культуры раннего железного века Приуралья // Уфимский археологический вестник. 2010. № 10. С. 36—55.

11. Останина Т. И. Население Среднего Прикамья в III—V вв. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 327 с.
12. Подосенова Ю. А., Данич А. В. Височные украшения Баяновского могильника ломоватовской археологической культуры // Археология Евразийских степей. 2019. № 6. С. 61—78. DOI: 10.24411/2587-6112-2019-00080.
13. Розенфельд Р. Л. О производстве и датировке овручских пряслиц // Советская археология. 1964. № 4. С. 220—224.
14. Руденко К. А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X — начало XIII в.). Казань : Республиканский центр мониторинга качества образования, 2014. 767 с.
15. Сабирова Т. М. Археологические исследования Варнинского могильника 2021 г. (предварительные данные) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2022. № 1 (12). С. 50—56. DOI: 10.15350/26191490.2022.1.5.
16. Семенов В. А. Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры. Ижевск : НИИ при совете министров Удмуртской АССР, 1980. С. 5—135.
17. Сериков Ю. Б. К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург : УрГУ, 2005. С. 93—101.
18. Черляков И. Г. Пряслица: история и назначение // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты. Омск : Издатель-Полиграфист, 2018. С. 189—190.
19. Черных Е. М. Пряслица Зуевключевского I городища в Нижнем Прикамье // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 62—81. DOI: 10.24411/2587-6112-2021-10013.
20. Черных Е. М., Перевозчикова С. А., Калугина Д. А., Бернц В. А. Раскопки Базезинского могильника на севере Удмуртии // Археологические открытия в Удмуртии — 2021. Ижевск : [Б. и.], 2022. С. 25—26.

References

1. Abdulaev A. M. Orudiya truda v pogrebeniyakh Palasa-Syrtskogo kurgannogo mogil'nika IV—V vv. [Tools of labor in the burials of the Palasa-Syrt burial mound of the 4—5th centuries]. *Vestnik instituta istorii, arkheologii i etnografii*, 2013, no. 2 (34), pp. 119—126. (In Russian)
2. Gening V. F. Drevneudmurtskii mogil'nik Mydlan'shai [Ancient Udmurt burial ground Mydlanshai]. *Voprosy arkheologii Urala* [Archeological issues of the Urals]. Sverdlovsk, 1962, is. 3, pp. 5—112. (In Russian)
3. Goldina R. D. O datirovke polomskoi kul'tury [On the dating of the Polom culture]. *Drevnosti Prikam'ya epokhi zheleza (VI v. do n.e. — XV v. n. e.): khronologicheskaya atributsiya: sb. statei* [Antiquities of the Kama region of the Iron Age (VI century BC — XV century AD). Chronological attribution. Collect. art.]. Izhevsk, Udmurtskii gos. un-t Publ., 2012, pp. 227—235. (Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii. Vol. 25). (In Russian)
4. Goldina R. D., Kolobova T. A., Kazantseva O. A., Mitryakov A. E., Shatalov V. A. *Tarasovskoe svyatilishche rannego zheleznoogo veka v Srednem Prikam'e* [Tarasovskoe sanctuary of the early Iron Age in the Middle Kama region]. Izhevsk, Udmurtskii gos. un-t Publ., 2013. 184 p. (Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii. Vol. 26). (In Russian)
5. Golovchenko N. N. “V ikh rukakh soedinilis' pryaslitse i nosh”, ili Nekotorye voprosy kul'tovoi interpretatsii pryaslits naseleniya Verkhnego Priob'ya epokhi rannego zheleza [“In their hands joined spindles and a knife” or some of the questions of interpretation of the cult spindles population Upper Ob Early Iron Age]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya — Tomsk State University Journal of History*, 2016, no. 3 (41), pp. 100—105. DOI: 10.17223/19988613/41/14. (In Russian)
6. Ivanov A. G. Etnokul'turnye i ekonomicheskie svyazi naseleniya basseina r. Cheptsy v epokhu srednevekov'ya: konets V — pervaya polovina XIII v. [Ethnocultural and economic ties of the population of the Cheptsy River basin in the Middle Ages. End of the 5th — first half of the 13th century]. Izhevsk, UIYaL UrO RAN Publ., 1997. 309 p. (In Russian)
7. Ivanov A. G., Ivanova M. G., Ostanina T. I., Shutova N. I. *Arkheologicheskaya karta severnykh raionov Udmurtii* [Archaeological map of the northern regions of Udmurtia]. Izhevsk, Udmurtskii institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN Publ., 2004. 276 p. (In Russian)
8. Ivanova M. G. Idnakar: drevneudmurtskoe gorodishche IX—XIII vv. [Idnakar. Ancient Udmurt settlement of the 9—13th centuries]. Izhevsk, Udmurtskii institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN Publ., 1998. 294 p. (In Russian)
9. Ivanova M. G. Khozyaistvo severnykh udmurtov v kontse IX — nachale XIII v. n. e. [Economy of the northern Udmurts at the end of the 9th — beginning of the 13th century AD]. *Severnye udmurty v nachale II tysyacheletiya n. e.* [Northern Udmurts at the beginning of the 2nd millennium AD]. Izhevsk, NII pri sovete ministrov Udmurtskoi ASSR Publ., 1979, pp. 6—68. (In Russian)

10. Kotov V. G. Semantika pryaslits kara-abyzskoi kul'tury rannego zheleznogo veka Priural'ya [The semantics of spindle whorls from the qaraabyz archaeological culture of the early iron age in the Urals region]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik — Ufa Archaeological Herald*, 2010, no. 10, pp. 36—55. (In Russian)
11. Ostanina T. I. *Naselenie Srednego Prikam'ya v III—V vv.* [Population of the Middle Kama region in the III—V centuries]. Izhevsk, Udmurtskii institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN Publ., 1997. 327 p. (In Russian)
12. Podosenova Yu. A., Danich A. V. Visochnye ukrasheniya Bayanovskogo mogil'nika lomovatovskoi arkheologicheskoi kul'tury [Temple accessories of Bayanovskiy burial ground of the Lomovatovskaya archaeological culture]. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei — Archaeology of the Eurasian Steppes*, 2019, no. 6, pp. 61—78. DOI: 10.24411/2587-6112-2019-00080. (In Russian)
13. Rozenfel'd R. L. O proizvodstve i datirovke ovruchskikh pryaslits [On the production and dating of Ovruch spindle whorls]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1964, no. 4, pp. 220—224. (In Russian)
14. Rudenko K. A. *Istoriya arkheologicheskogo izucheniya Volzhskoi Bulgarii (X — nachalo XIII v.)* [History of the archaeological study of Volga Bulgaria (X — beginning of the 13th century)]. Kazan, Respublikanskii tsentr monitoringa kachestva obrazovaniya Publ., 2014. 767 p. (In Russian)
15. Sabirova T. M. Arkheologicheskie issledovaniya Varninskogo mogil'nika 2021 g. (predvaritel'nye dannye) [Archaeological research of the Varni burial ground. Preliminary results of excavations in 2021]. *Istoriiko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya — Historical and Cultural Heritage of the Ural-Volga Region Peoples*, 2022, no. 1 (12), pp. 50—56. DOI: 10.15350/26191490.2022.1.5. (In Russian)
16. Semenov V. A. Varninskii mogil'nik [Varni burial ground]. *Novyi pamyatnik polomskoi kul'tury* [New monument of Polom culture]. Izhevsk, NII pri sovete ministrov Udmurtskoi ASSR Publ., 1980, pp. 5—135. (In Russian)
17. Serikov Yu. B. K voprosu o sakral'nom i funktsional'nom naznachenii tak nazyvaemykh pryaslits [On the question of the sacred and functional purpose of the so-called spindle whorls]. *Arkheologiya Urala i Zapadnoi Sibiri* [Archeology of the Urals and Western Siberia]. Yekaterinburg, UrGU Publ., 2005, pp. 93—101. (In Russian)
18. Cherloyakov I. G. Pryaslitsa: istoriya i naznachenie [Whorl: history and purpose]. *Drevnie i traditsionnye kul'tury Sibiri i Dal'nego Vostoka: problemy, gipotezy, fakty* [Ancient and traditional cultures of Siberia and the Far East: problems, hypotheses, facts]. Omsk, Izdatel'-Poligrafist Publ., 2018, pp. 189—190. (In Russian)
19. Chernykh E. M. Pryaslitsa Zuevoklyuchevskogo I gorodishcha v Nizhnem Prikam'e [Spinning wheel from Zuevoklyuchevskoe I hillfort in the lower Kama region]. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei — Archaeology of the Eurasian Steppes*, 2021, no. 2, pp. 62—81. DOI: 10.24411/2587-6112-2021-10013. (In Russian)
20. Chernykh E. M., Perevozchikova S. A., Kalugina D. A., Bernts V. A. Raskopki Balezinskogo mogil'nika na severe Udmurtii [Excavations of the Balezino burial ground in the north of Udmurtia]. *Arkheologicheskie otkrytiya v Udmurtii — 2021* [Archaeological discoveries in Udmurtia — 2021]. Izhevsk, 2022, pp. 25—26. (In Russian)

Информация об авторе

Т. М. Сабирова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела исторических исследований

Information about the author

T. M. Sabirova — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Historical research department

Статья поступила в редакцию 05.06.2023; одобрена после рецензирования 28.06.2023;
принята к публикации 20.11.2023

The article was submitted 05.06.2023; approved after reviewing 28.06.2023;
accepted for publication 20.11.2023